

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ ПРОТИВ «РАЗУМА» БОЕГОЛОВОК

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Еще древние заметили, что неблагоприятным замыслом зачастую сопутствует извращенность речений. В американской печати проскользнуло упоминание о новом поколении «думающего» оружия. Едва ли найдется простак, который поверит в то, что бомба, даже сращенная с самым бездействующим компьютером, и впрямь способна думать. Невзирая на семантическое сходство, такие понятия, как «осмысленный выбор цели» или «принятие самостоятельного тактического решения», отнюдь не однозначны в свободе воли. Есть все же различия между полетом мегатонной боеголовки и полетом мысли...

ПОКА можно лишь догадываться, в чем именно заключается разница между грядущей «думающей» ракетой и уже существующей крылатой. Трудно, однако, отделаться от ощущения, что, не успев народиться на свет, новое оружие уже совершает свою разрушительную работу, стремясь стереть в сознании людей границу между истреблением и творчеством, опустошением и созидательным трудом. Аморальность терминологии как бы приумножает изуверскую сущность. Интеллект, даже если это машинный интеллект, мы все-таки привыкли соотносить с понятиями добра, прогресса, приняв как постулат несовместимость гения и злодейства.

Еще на заре эры компьютеров американский писатель-фантаст Айзек Азимов сформулировал ставшие хрестоматийными три закона робототехники. Напомню первый из них: «Робот не должен причинять вред человеческому существу или своим бездействием допускать, чтобы ему вредило».

Прекраснодушные мечты о технотронной эпохе всеобщего благоденствия! В каком вопиющем противоречии пребывают они с идеей витающего в космосе электронного мозга, выискивающего подходящее место, чтобы взорваться с максимальным человекоубойным эффектом.

Фантастика чужда абсурду. Она не утрирует действительность. Подобно линзе, фокусирующей солнечные лучи, она лишь собирает воедино реалии своего века. Не о сатанинских новинках по части массового уничтожения пойдет далее речь, но скорее об образе мышления их творцов и пропагандистов.

Трезвомыслящего человека трудно одурочить или запутать. Едва ли следует ожидать особых принципиальных отличий между боевыми компьютерами нового поколения и теми, что уже встроены в корпуса запускаемых с подлодок «трайдентов». Да и к вывихам в мышлении «философов» от военно-промышленного комплекса мир успел поправиться. Разве не кощунственно сопряжение благочинных определений «гуманная» и «чистая» со словом бомба?

ХАРАКТЕРНАЯ особенность научно-фантастического творчества заключается в опережении событий. В самой основе научной фантастики, заслуженно снискавшей горячую приверженность сотен миллионов читателей, лежит вероятностный прогноз, порожденный уникальным соединением научного анализа с образным мышлением искусства.

Со страниц научно-фантастических книг пришли в нашу жизнь космические корабли и орбитальные станции, чудеса гениальной инженерии и лучевая магия голографий, синтетическая пища и роботы. Благодаря усилиям поколений фантастов человечество приняло как нечто давно ожидаемое первый искусственный спутник, высадку людей на Луну.

Но, пытаясь заглянуть в завтра, фантасты не только ищут новые дороги к свершениям науки и техники. Не менее важно указать современникам на опасные тупики, на тревожные тенденции, грозящие перерасти в катастрофу. Пожалуй, ни в какой другой области не проявилось столь полно присущее научной фантастике свойство улавливать тревоги и ожидания общества, как в жизненно важной для всего человечества атомной проблеме.

Летом 1944 года в редакцию журнала «Эстаундинг сайенс-фикшн» («Поразительная научная фантастика»), который издавал Джон Кемпбелл, явились агенты ФБР. Они предъявили издателю претензии по поводу только что опубликованного рассказа малоизвестного в то время фантаста К. Картмилла. Речь шла о... разглашении сведений высочайшей категории секретности, затрагивающих суть «Манхэттенского проекта». Картмилл ухитрился передать гласности стратегические тайны, причем такие, о которых не могли еще знать до конца даже теоретики Лос-Аламоса — центра, где

проводились исследования по созданию атомной бомбы. В небольшой публикации он раскрыл основные поражающие факторы атомного взрыва: силу и радиус действия ударной волны, интенсивность светового излучения и проникающей радиации, площадь и степень радиоактивного заражения.

В ходе расследования все же удалось доказать, что писатель не имел никакого отношения к «урановому проекту», ничего не знал о Лос-Аламосе. Строя свою фавбу, он пользовался только открытыми научными публикациями предвоенной поры. Для вящей убедительности Кемпбелл разыскал датированный еще сорок первым годом рассказ Хайнлайна «Неудовлетворительное решение», где шла речь об атомной войне и послевоенной гонке вооружений (1), и «Освобожденный мир» Уэллса. Этот роман, изданный еще в 1914 году, уж никак нельзя было обвинить в разглашении «Манхэттенского проекта». Заглянув в будущее на целых четыре десятилетия, Уэллс создал классический образец романа-предупреждения.

Для доказательства «алиби» Картмилла можно было бы привести и книгу В. Орловского «Бунт атомов», вышедшую в 1928 году. Тем более, что ее сразу же перевели на английский язык.

Привлечь Кемпбелла и Картмилла к ответственности, одним словом, не удалось. Впрочем, тревога насчет того, что даже такая, казалось бы, невинная публикация, как научно-фантастический рассказ, может раскрыть противнику величайшие секреты Америки, не развеялась.

Как и многие писатели-фантасты, я пришел в литературу из науки. Атомная проблема интересовала меня достаточно глубоко. Все это плюс присутствующая фантастика особенностью доводить идею до крайности позволили «предугадать» очередной виток атомной спирали.

Так родилась повесть «Возвратите любовь», опубликованная в шестидесятые годы. Тогда придуманное мной и Михаилом Емцевым название «нейтронная бомба» было абсолютной фантастикой. Прошло каких-нибудь полтора десятка лет, и оно, утратив фантастичность, обрело угрожающе реальный лик. Неудивительно, что о повести, переведенной к тому времени на несколько языков, сразу же вспомнили. Оказалось, что она предвосхитила даже способ испытания нового оружия, убивающего живое, но «щадящего» материальные объекты. К сожалению, предвидеть подобные вещи нетрудно, ибо зло примитивно уже по своей сути.

НАШЕМУ ПОКОЛЕНИЮ довелось увидеть, как становились явью самые фантастические предсказания. Не по этой ли причине столь безоговорочно принимаются на веру досужие рассказы о летающих тарелках, бермудских треугольниках, чудесных исчезновениях? За послевоенные десятилетия мир преобразился куда более радикально, чем, быть может, за многие сотни лет. За считанные годы, оставшиеся до нового тысячелетия, он изменится еще сильнее. Даже то, что вчера относилось к области чистого фантазирования, — боевые космические корабли, лазерное оружие, военные базы на Луне и т. д. — приблизилось ныне на короткую дистанцию, вполне доступную для обзора сугубо прагматичных плавовиков из военного ведомства США. Вопреки международным договоренностям делаются недвусмысленные шаги к превращению в арену противоборства околоземного пространства. И Луна,

о путешествиях на которую мечтали еще Лукиан и Сирано де Бержерак, не осталась вне интересов Пентагона. Причем почти в толдом соответствии с расхожим научно-фантастическим сценарием шестидесятых годов ей, судя по сообщениям прессы, в пентагоновских планах отводится роль лазерного форта. Не знаешь, чему более удивляться: прогностическим успехам фантастики или фатальной узости мышления американских генералов. Право, сама история не позволяет нам забыть о последствиях, которыми чреваты недомыслие и преступный волюнтаризм. Об этом с исчерпывающей точностью говорил Норберт Винер:

«Между экспериментальным взрывом в Лос-Аламосе и решением использовать атомную бомбу в военных целях прошло так мало времени, что никто не имел возможности как следует подумать. Сомнения ученых, знавших о смертоносном действии бомбы, больше других и лучше других представляющих себе разрушительную силу будущих бомб, попросту не были приняты во внимание... За всем этим угадывалась рука человека-машиниста, стремления которого ограничены желанием видеть, что механизм пущен в ход. Больше того, сама идея войны, которую можно вести, нажимая кнопки, — страшное искушение для всех, кто верит в силу своей технической изобретательности и питает глубокое недоверие к человеку. Я встречал таких людей и хорошо знаю, что за моторчик стучит у них в груди».

Удивительно верное слово — «моторчик»! Характерно, что, исследуя природу античуждотности, основоположник кибернетики пришел в конце концов к научной фантастике. Ее синтетические методы взяли на вооружение и такие широко известные ученые, как Лео Сцилард, Леопольд Инфельд, Отто Фриш, так или иначе причастные к драматическому началу «атомного века». Ведь что там ни говори, но атомная бомба прошла путь от идеи до воплощения всего за 6 лет! Даже скорость научно-технического прогресса превращается в самодовлеющую опасность, когда люди-машинисты с моторчиками в груди узурпируют монополию на решение жизненно важных для человечества вопросов.

«Нас преследовал страх, что немцам удастся сделать атомную бомбу раньше, — вспоминал Сцилард. — Но когда в 1945 году нас избавили от этого страха, мы с ужасом стали думать, какие же еще опасные планы строит американское правительство...»

Сциларду и его коллегам не удалось предотвратить роковое решение президента Трумэна сбросить атомную бомбу. Всю оставшуюся жизнь ученый посвятил борьбе за мир.

НЫНЕ В МАРШАХ МИРА и всевозможных антивоенных демонстрациях чуть ли не ежедневно участвуют десятки и сотни тысяч людей. Политические деятели и писатели, ученые и врачи разных стран объединяют свои усилия в борьбе против ядерной опасности. Сознывая в полной мере всю глубину нависшей над планетой угрозы, научные фантасты также нашли свое место в этом общем строю. Даже отдаленная возможность ядерной катастрофы не позволяет нам оставаться в стороне. Вот почему обращение советских фантастов, направленное против нейтронной бомбы, встретило столь массовый и горячий отклик. Во многих странах Европы были выпущены специальные сборники, связанные с темой оружия массового унич-

тожения. Зная широчайший диапазон воздействия научной фантастики, трудно переоценить общественную значимость подобных публикаций. Не случайно видный английский писатель Джон Браннер, поддержав инициативу советских коллег, обратился с открытым письмом к фантастам мира, призывая их использовать весь свой авторитет для мобилизации общественного мнения против тонки вооружений.

Не так давно Советский Союз посетила большая группа фантастов из США, в которую входили, в частности, известные писатели Роджер Зелезни и Джо Холдман, издатель журнала «Локус» Чарльз Браун, профессор социологии Мичиганского университета Джо Де Болт, создатель первого в мире научно-фантастического музея Форрест Эккерман. Всюду, где побывали гости — в Москве, Ленинграде, Киеве, шел взволнованный разговор о настоятельной необходимости возвращения на путь разрядки. Американские коллеги не скрывали своего одобрения мирных инициатив Советского правительства, значение которых не смогли извратить никакие кривотолки противников разрядки.

Что можно возразить против очевидности, чем и как подменить здравый смысл? Известно, что к 1990 году США рассчитывают иметь только в составе своих стратегических ядерных сил до 20 тысяч ядерных зарядов. Исходя из мощности боеголовки индивидуального наведения в 600 килотона, мы получаем умопомрачительную цифру — 12 миллионов килограммов условной взрывчатки на каждого живущего на земле человека.

Курс мира, о котором наше государство возвестило первым ленинским декретом, ограничен для нашего общества. Празднуя 60-летие СССР, советские люди гордятся его внешней политикой, направленной на открытое и честное сотрудничество со всеми странами, отвечающими взаимностью. Миротворные советские предложения как бы вообрали в себя концентрированный здравый смысл всего человечества. Не видеть развернувшейся апокалиптической бездны способны лишь люди с моторчиками в груди или электронно-вычислительные блоки, обученные розыску целей, но совершенно равнодушные к безмерному богатству культуры, к невыразимым, но таким понятным для каждого проявлениям человечности.

На состоявшемся в австрийском городе Линце конгрессе «Всемирной организации научной фантастики» или горячие, заинтересованные дискуссии о судьбах цивилизации. Невзирая на различие политических взглядов, выступавшие — будь то американский писатель Фредерик Пол или венгр Петер Куцка, англичанин Джеральд Бишоп или итальянец Джанфранко Вивиани, румын Ион Хобана или голландка Аннемари Киндт — буквально в один голос говорили о разоружении как единственной предпосылке дальнейшего существования. И это закономерно. Уже в силу специфики своей профессии фантасты с особой остротой ощущают угрозу, которой чревата нынешняя международная обстановка.

Природе понадобились миллиарды лет, чтобы создать мыслящее существо, наревшее себя «гомо сапиенс», или «человек разумный». Для полного уничтожения, возможно, единственного во Вселенной очага разума сегодня достаточно нескольких десятков минут.

Вот почему первостепенная задача всех авторов научно-фантастических книг, кино- и телефильмов заключается в том, чтобы всеми доступными способами донести до сознания многомиллионной аудитории простую мысль о неизбежном поражении землян — самоубийственной междоусобицей. И сделать это нужно уже сегодня, сейчас, чтобы сберечь величайшую ценность — завтрашний день человечества.

Еремей ПАРНОВ.